

По мере того как его тело уплотнялось, у Ян Аня даже зародилось смутное ощущение: возможно, еще через несколько лет он сможет силой мысли подбирать и удерживать предметы. Если бы это действительно произошло, жизнь стала бы поистине прекрасной. На сердце Ян Аня воцарился полный восторг.

Впрочем, по мере непрерывного укрепления духовного тела Ян Ань теперь мог удаляться от Секты Хуашань на расстояние до ста ли, и это тоже можно было считать радостным событием.

В один из вечеров, закончив читать вслух Канон Перемены Мышц и Очищения Костного Мозга и Дао Дэ Цзин, Ян Ань вдруг вспомнил, что сегодня первое число месяца, и невольно повеселел.

Если судить по прежнему времени, сейчас было всего около семи часов вечера. Ян Ань тут же собрался, обратился в клубок черного ветра и вылетел за пределы пещеры.

Скорость Ян Аня была невероятно высока: в мгновение ока он преодолел сотню метров, и всего за три-четыре дыхания долетел до небольшого городка, раскинувшегося в дюжине ли у подножия Хуашань.

Ян Ань заметил, что здешние обыватели только-только закончили ужинать. В древности всё было совсем не так, как в современности, когда по вечерам улицы залиты ярким светом и кипят жизнью. Здесь же с наступлением темноты люди в основном гасили огни и ложились спать, да и никаких развлечений не водилось.

К этому моменту Ян Ань уже бесшумно подлетел к двухэтажному постоялому двору — самому фешенебельному месту в окрестных селениях. Внутри еще теплилась жизнь: несколько человек пили вино и закусывали на первом этаже, изредка доносились их негромкие голоса.

Все эти люди были простыми крестьянами из соседних деревень, заглянувшими в городок навестить родственников, а вовсе не мастерами боевых искусств.

В этих краях как раз наступала зима. И хотя живописные виды Хуашань славились на весь мир, в эту пору года желающих погулять и полюбоваться пейзажами почти не было, из-за чего городок казался таким безлюдным.

Целью Ян Аня была комната на втором этаже.

В этот момент оттуда доносилось какое-то шуршание. Звуки были настолько тихими, что их мог слышать только призрак с мощной и чистой духовной волей, такой как Ян Ань.

— Кун-гэ, а-ах... — стонущим голосом произнес какой-то юноша.

Голос звучал чисто и приятно, обладателю его было всего лет тринадцать-четырнадцать.

— Ле-эр, ты просто великолепыен, я люблю тебя, — отозвался другой парень, тяжело дыша.

Оба юноши были примерно одного возраста, но сейчас они, погруженные в плотские утехы, казалось, совершенно забыли обо всем на свете. Они были полностью захвачены процессом, и единственное, о чем они еще помнили — это необходимость сдерживать движения и голоса, так что посторонний ни за что бы ничего не обнаружил.

Верно, два юноши предавались взаимным плотским утехам.

Ян Ань открыто стоял прямо у кровати обоих парней, не отрывая глаз следя за их движениями.

Несмотря на то, что он был лишь духовным телом, Ян Ань чувствовал, как у него самого закипает кровь.

Один из юношей уже выглядел мужественным: хотя черты лица оставались юношескими, он вымахал до метра семидесяти с лишним, что выдавало в нем будущего неотразимого красавца-сердцееда. Его звали Линь Кунь.

Другой мальчик обладал тонкими чертами лица и изящной красотой, а взгляд его был полон природного очарования. Пусть он уступал Линь Куню в мужественности, зато мог похвастаться алыми губами и белыми зубами — говоря языком двадцать первого века, это был очаровательный парень-пацан высшей пробы. Звали его У Лэ.

В этот момент Линь Кунь прижимал У Лэ к постели. Хотя юношам едва исполнилось четырнадцать-пятнадцать лет, судя по их движениям, опыта им было не занимать.

Тяжело дыша, Линь Кунь не переставал шептать на ухо партнеру всякие нежности: «Хороший Ле-эр», «Слуша-ашный Ле-эр». Опираясь левой рукой о матрас, он то и дело опускался ниже, теребя свое обнаженное тело о белоснежную кожу У Лэ и поминутно целуя его влажные алые губы, жадно впитывая сладкую влагу.

Оба занимались боевыми искусствами с детства, поэтому их тела были крепкими, без единой лишней жиринки, а юношеские пропорции просто восхищали. Идеальные тела источали такое искушение, что от взгляда на них хотелось буквально сожрать друг друга живьем, не оставив ни кожи, ни мяса.

Если кожа Линь Куня отливала легким бронзовым загарным оттенком, то тело У Лэ было ослепительно белым: долгие годы тренировок с мечом ничуть не испортили его кожу загаром, так что сейчас он выглядел поистине аппетитно.

Ян Ань, стоя в стороне, чувствовал, как у него пересыхает в горле.

Стоны У Лэ заставили Линь Куня вспылать еще большей страстью: он окончательно слился с

У Лэ воедино, наслаждаясь высшим блаженством с полнейшей самоотдачей.

Ян Ань продолжал смотреть, не отрывая глаз.

Линь Кунь целовал У Лэ, запуская язык ему в рот. У Лэ поймал этот проворный язычок своими белыми зубками, смакуя его, а затем позволил скользнуть обратно по нёбу, собирая капельки слюны.

Они играли друг с другом, и это доставляло им невероятное наслаждение.

Тонкие нити слюны стекали из уголков их ртов.

После жаркого поцелая лица обоих оказались сплошь покрыты влагой. Оторвавшись друг от друга, юноши звонко рассмеялись.

Когда У Лэ и Линь Кунь достигли пика во второй раз,

и немного перевели дух, Линь Кунь, не меняя позы, прижал к себе У Лэ, закинув на него ногу, и тут же провалился в глубокий сон. Наигравшись вдоволь, оба порядком устали; они накрылись одеялом и мгновенно погрузились в страну снов.

Ян Ань же, будучи единственным зрителем этого представления, от начала и до конца наблюдал за пиршеством во все глаза.

Два лежавших рядом красивых юноши обладали необыкновенной внешностью, а их объятия источали столько тепла и гармонии, что смотреть на них было сплошным удовольствием.

Ян Ань обнаружил тайну этих двоих еще полгода назад. Юноши были учениками Секты Хуашань, отправленными за покупками, но оставалось загадкой, когда именно между ними вспыхнули чувства. В тот раз они сошлись в этой же самой комнате, чем и привлекли внимание Ян Аня.

Раньше Ян Ань особо не обращал на них внимания — да и на большинство других учеников Хуашань тоже, ведь днем он бояться даже носа высунуть наружу и активен был только по ночам. К тому времени ученики Секты Хуашань уже давно спали, и Ян Ань не придавал им особого значения.

Однако после того как он раскрыл эту парочку, его интерес к обоим резко возрос, и он потратил пару месяцев на наблюдение за ними.

Пожалуй, юноши и сами понимали, что их связь неприемлема для окружающих, а потому пользовались каждой возможностью — ежемесячной вылазкой в город за провизией — чтобы

тайком уединиться и предаться запретным радостям.

В эту эпоху среди сильных мира сего однополая любовь была весьма распространена, однако всё это происходило исподтишка, и никто не выставял подобное напоказ. Тем более что такой лицемер вроде Юэ Буцюня из всех сил кичился конфуцианскими добродетелями благородного мужа, из-за чего юноши боялись разоблачения пуще прежнего.

Но долгое наблюдение убедило Ян Аня, что они действительно любят друг друга: ежемесячные встречи помогали утолить тоску по разлуке, и оба дорожили ими, не воспринимая всё как пустую забаву.

Впрочем, чего еще ожидать — оба были сущими детьми, чистыми душой, и их взаимная симпатия казалась самой настоящей судьбой.

Правда, в оригинальной истории, которую Ян Ань знал по сериалам из прошлой жизни, Линь Кунь и У Лэ вообще не упоминались — судя по всему, им была уготована участь пушечного мяса.

За полгода наблюдений Ян Ань успел проникнуться к обоим симпатией и искренне жалел их потенциально трагическую судьбу, часто ловя себя на вздохах.

И неудивительно: их природные таланты были лишь средними, хотя у У Лэ способности чуточку лучше. Но если сравнить их с главным любимцем удачи из Мастера Цзяоаня — Линху Чуном, — пропасть в одаренности окажется огромной, не говоря уже о том, что у них не было безумного везения Линху Чуна.

К тому же в Хуашань не осталось выдающихся боевых искусств, а Юэ Буцюнь не спешил передавать тайные техники ученикам — даже старший ученик секты Линху Чун изучал лишь базовые приемы да внутреннюю силу, а Пурпурная Ци рассвета владел только сам наставник.

При таком раскладе юноши, чьи таланты и без того не хватасли звезд с неба, в оригинальном сюжете неминуемо оставались бы серой массой на задворках и в конце концов погибли бы в качестве пушечного мяса.

Впрочем, отчасти в этом виновато отсутствие толковых наставников и собственной негибимой воли, так что пенять оставалось только на судьбу.

Причины, по которым Ян Ань вздыхал о них, кроились не только в сожалениях об их грядущей судьбе, но и в нем самом.

Ян Ань и в прошлой жизни питал слабость к мужчинам. Из-за слабого здоровья он никогда даже не помышлял о том, чтобы завести парня, хотя в душе мечтал о верной любви до гроба и о ярких, бурных чувствах.

Так и не решившись ни на что, он дожил до самой смерти.

Тем не менее он всегда искренне радовался за пары одинакового пола, сумевшие найти друг друга. То, чего не смог добиться сам, он страстно желал увидеть у других; наблюдая за чужим счастьем, он испытывал глубокое умиротворение, радость и удовлетворение. До самой его кончины в прошлой жизни однополые союзы в стране хоть и стали получать некоторую поддержку, но все же не стали мейнстримом, и мало кто решался выставлять такие чувства напоказ.

И вот теперь, увидев такую парочку в Хуашань, он от всего сердца надеялся, что они смогут пройти свой путь до конца.

Оба были молоды, кровь бурлила в жилах, и выдумок у них хватало: каждый месяц они придумывали всё новые и новые позы. Наверное, сказывалось воздержание в течение целого месяца, поэтому они неизменно доводили себя до полного изнурения. К тому же юношеский задор брал свое — меры они совершенно не знали, порой предаваясь утехам так безумно, что Ян Ань замирал от изумления.

Благодаря этому Ян Ань изрядно поднаторел в подобных делах. В прошлой жизни ему почти не доводилось смотреть взрослые фильмы, и когда накатывало желание, он справлялся своими силами, так что опыта у него не было никакого.

Зато теперь он постиг науку в полном объеме. Будь Ян Ань живым человеком, при виде таких зрелищ его бы давно бросило в жар и из носу хлынула кровь; но даже находясь в бестелесном состоянии духа, он чувствовал, как у него пересыхает во рту.

Улыбвшись про себя и глядя на умиротворенные лица спящих юношей, Ян Ань знал, что завтра утром они закупят припасы и отправятся обратно.

Побродив еще немного и прикинув, что на часах уже около одиннадцати вечера, он решил прогуляться еще чуть-чуть и возвращаться.

.....

Ночь была темной, небо усыпано редкими звездами, а в первый день лунного месяца над землей висел лишь тонкий серп луны.

Вылетев на открытое пространство под открытым небом и глядя наверх, Ян Ань внезапно ощутил всю грандиозность и безбрежность мироздания. В ту же секунду он почувствовал собственную ничтожность, сменившуюся глубоким умиротворением и свежестью.

Распустив Божественное сознание, он отчетливо запечатлел в памяти всё происходящее в радиусе тысячи метров.

Ночная тишина не нарушалась даже стрекотанием насекомых — лишь слабый ветерок едва не рассеивал его духовное тело. Тонкие лучи ночного светила падали с небес, и Ян Ань, словно за обычной трапезой, поглощал их силу своим духовным телом, ощущая невероятное блаженство.

Эта лунная энергия тоже помогала Ян Аню укреплять телесную оболочку, хотя процесс шел довольно медленно. Впрочем, стоило ему приняться за чтение вслух Канона Перемены Мышц и Очищения Костного Мозга, как эффект многократно усиливался.

Однако задерживаться на всю ночь в этом городке ради впитывания лунного света он не собирался. Покружив по улочкам, Ян Ань наконец собрался в обратный путь к Хуашань — надолго оставлять гору ему пока еще не разрешалось.

.....

На обратном дороге Ян Аню довелось стать свидетелем жестокой резни и грабежа, устроенных шайкой разбойников. К моменту его прибытия бойня уже закончилась: банда из двух десятков бандитов как раз удалялась, оставляя за собой усеянную кошмарными трупами землю.

Когда Ян Ань приблизился к этому месту кровавого побоища, у него неожиданно заискрилось в глазах, в голове зашумело, а сознание помутилось. Тело словно готово было разорваться на части, и духовное тело, обратившись черным дымом, метнулось к одному из трупов. В следующий миг в глазах Ян Аня совсем потемнело, и он потерял сознание.

Во тьме повсюду валялись мертвецы, а холодный ветер придавал пейзажу еще более зловещий вид.

Вдоль дороги тянулось убранное поле — стояла глубокая осень, весь урожай уже давно собрали, и на просторе чернели лишь межевые гребни да побуревшая трава, наводя тоску.

Чуть выше поля темнел небольшой лесок. Листья на деревьях давно облетели и пожухли, и под ударами ледяного ветра ветки издавали жуткий треск.

По правую сторону от дороги стояла разбитая повозка; ездовых животных разбойники увели с собой. На облучке лежавшее без чувств тело пожилого мужчины лет пятидесяти в роскошных одеждах: одна его рука была отрублена, одежда пропитана кровью, а на шее алел тонкий кровавый порез. Под телегой валялось еще семеро-восьмеро тел стражников и слуг.

Все они погибли страшной смертью: кому-то снесли головы, кому-то пробили грудь насквозь.

В нескольких шагах от повозки лежала мертвая молодая пара лет двадцати с небольшим. Мужчина был убит ударом меча в горло. Женщина же выглядела жутко: ее одежда была изорвана в клочья, глаза вылезли из орбит, изо рта торчал язык. Самой смертельной раной зияла кровавая дыра во лбу — судя по всему, не желая сносить позор, она сама разбила голову

о камни и умерла с открытыми от ужаса глазами.

Черты лица мужчины были заурядными, выдавая в нем человека книжного склада, а вот женщина, несмотря на кровавые потеки, явно при жизни отличалась миловидной внешностью.

Рядом с ними валялись тела двух женщин средних лет и еще четырех-пяти охранников.

А между супругами лежал мальчик лет пяти-шести. Он тоже давно испустил дух: всё его тельце было покрыто кровью, но серьезных ран от клинка не виднелось — судя по всему, малыша просто насмерть забили или швырнули оземь, оставив на спине кровавое месиво.

Столь бесчеловечная жестокость к женщинам и детям ясно показывала, что эта шайка бандитов была полностью лишена человечности.

Все ценные вещи подчистили начисто, не оставив ни лошадей, ни оружия.

Именно такую картину застал Ян Ань, когда прилетел сюда. Удаляясь, бандиты еще успели донести до него обрывки фраз про «Железный Вихрь», «богатую добычу» и «женщин».

В тот самый момент, когда Ян Ань приблизился к месту бойни, от тела убитого пятишестилетнего мальчика неожиданно исходила мощная сила притяжения. В то же самое время сознание Ян Аня пронзили вспышки боли, мир вокруг зашатался, в глазах потемнело, и он провалился в небытие, лишившись возможности сопротивляться.

Если бы Ян Ань в ту минуту бодрствовал, он непременно бы увидел, как его собственная душа превратилась в тонкую черную нить и напрямую ввинтилась в голову ребенка.

По сути, детское тело испустило непреодолимую притягательную силу, мгновенно втянув его внутрь — сопротивляться этому тяготению было абсолютно невозможно.

И едва душа Ян Аня вселилась в мальчика, как безжизненное тело вдруг затрепетало: слабые пульсовые толчки возобновились, грудная клетка вздымалась в ритме дыхания, а из ноздрей ребенка повеяло теплом.

Пока духовное тело Ян Аня находилось в беспамятстве и втягивалось в мертвую плоть, хранившиеся в его памяти Дао Дэ Цзин и Канон Перемены Мышц и Очищения Костного Мозга внезапно сами собой вылетели наружу, ярко вспыхнув оба одновременно.

Канон Перемены Мышц и Очищения Костного Мозга испустил ослепительное золотое сияние. Каждое слово мгновенно обратилось в символ, выпорхнувший из духовного тела Ян Аня и вплавившийся в плоть ребенка. В ту же секунду и душа Ян Аня, и детское тело засияли золотым светом, а с помощью канона их слияние стало абсолютно безупречным.

Дао Дэ Цзин же источил неизмеримое сине-фиолетовое сияние. Все строки зашевелились, перестраиваясь и меняясь: если раньше иероглифы были обычными упрощенными китайскими знаками, то теперь они стали медленно преобразоваться. Каждое слово превращалось в диковинный, причудливый символ. И хотя знаки выглядели странно, стоило взглянуть на них, как смысл открывался сам собой — непостижимый, чудесный и таинственный. Именно такими и были первозданные письмена, начертанные самим Лао-цзы в его Дао Дэ Цзин.

Эти первородные знаки излучали бесконечный пурпурный свет и один за другим оседали на духовном теле Ян Аня в виде таинственных печатей, источая глубочайшие, непостижимые для разума вибрации.

Стоило этим знакам запечатлеться на духе Ян Аня, как он окончательно и неразрывно слился с телом ребенка. Теперь их союз стал прочнее, чем у новорожденного младенца с собственной душой.

Всё это происходило во время беспамятства Ян Аня. Не ведая того, он совершил переселение душ в чужое тело и вернулся в мир живых.

Если бы кто-то оказался рядом в этот момент, он бы собственными глазами увидел, как детское тело вспыхивает золотыми лучами, а в умершем ребенке вновь пробуждается жизнь — мертвец ожил.

Конечно, увидевший подобное человек наверняка сошел бы с ума от ужаса.

.....

Когда Ян Ань очнулся, он долго не мог поверить своим ощущениям.

Он вдруг почувствовал, что у него есть тело: дышащий нос, шевелящиеся уши, и даже то, что он лежит на самой настоящей кровати.

Ян Ань не смел открыть глаза, боясь, что все это лишь обман чувств.

Торопливо задействовав Божественное сознание, он в тот же миг увидел в его поле зрения пяти-шестилетнего мальчика, лежащего на деревянной кровати. Тело ребенка было аккуратно перевязано бинтами. Малыш был совсем крошечным — с аккуратным ротиком и маленьким носом. Несмотря на возраст, черты лица казались на редкость красивыми и миловидными, уже сейчас предвещая внешность будущего красавца.

Тонкие брови, чистый взгляд сквозь сомкнутые веки, белый с румянцем цвет кожи и черные волосы — даже с закрытыми глазами было очевидно, что это редкостный, очаровательный парень-пацан.

Увидь его те самые странные любители мальчиков постарше, они бы точно взвизгнули от восторга.

Это был он сам, и Ян Ань отчетливо осознавал: это маленькое тело принадлежит ему.

Осмотрев этот детский сосуд, Ян Ань понял, что перед ним одно из тех тел, что остались лежать на дороге среди погибших.

Ян Ань предположил, что он переродился в чужом теле.

Размышления длились недолго, сменившись жгучим восторгом: плевать, переселение это или нет, он жив! Он по-настоящему вернулся к жизни! Ян Ань так обрадовался, что едва не закричал во весь голос, но вовремя сдержался.

Почти сразу он обнаружил еще одну вещь: несмотря на возвращение к жизни, его сильнейшее Божественное сознание никуда не исчезло, а осталось при нем. Ян Ань был готов пуститься в пляс от нахлынувшего счастья — разве это не чит-код почище любого сюжетного рояля в кустах?

Такое Божественное сознание, словно в мире бессмертных-сянься, работало универсальным сканаром на все случаи жизни — абсолютное, неоспоримое преимущество.

Медленно приоткрыв глаза, Ян Ань уставился на полог над кроватью — настоящее зрение, а не образ из Божественного сознания.

Ян Ань всматривался в него.

За последние пять лет это был первый раз, когда он видел реальный свет. Ян Ань расплакался от избытка чувств, слезы покатились из уголков глаз, но он даже не пытался их смахнуть, боясь моргнуть и спугнуть этот сон.

Возможность плакать — какое же это великое счастье! Охваченный эмоциями, Ян Ань на мгновение даже растерялся.

— Хороший мальчик, почему ты плачешь? Рана болит? — раздался над ухом звонкий юношеский голос.

И дело было вовсе не в потере бдительности из-за того, что кто-то подошел незаметно — просто переполнявшее его счастье заставило Ян Аня напрочь обо всем забыть.

Взглянув на оказавшегося рядом У Лэ, Ян Ань слегка опешил, совершенно не понимая, как тот здесь очутился.

<http://bllate.org/book/22526/2379313>